

УДК: 92(571.66)

К вопросу о «феномене Крашенинникова»

Валерий Егорович Быкасов,
научный сотрудник Института
вулканологии и сейсмологии ДВО
РАН, Петропавловск-Камчатский.
E-mail: pkcats@gmail.com

При описании маршрутов С.П. Крашенинникова по Камчатке исследователи проявляют двойственное отношение к научному наследию великого русского учёного, при котором единодушное признание дотошности, внимательности и аккуратности, характерных для студента Академии наук при изучении природы и народов Камчатки, сочетается с необъяснимым искажением собранной им информации. Это позволяет рассматривать данное явление в качестве своеобразного феномена, который вполне уместно именовать «феноменом Крашенинникова».

Ключевые слова: феномен Крашенинникова, Камчатка, маршруты, река Облуковина.

On the “Krasheninnikov phenomenon.”

Valery Yeg. Bykasov, Institute of Volcanology and Seismology, Petropavlovsk-Kamchatsky.

In describing the routes of Stepan P. Krasheninnikov through Kamchatka, the researchers show an ambivalent attitude to the scientific heritage of the great Russian scientist, in which the unanimous recognition of the meticulous care and accuracy of the Academy of Sciences’s student in his studies of nature and the people of Kamchatka is combined with unexplained distortion of the information collected. This allows us to consider this as a kind of phenomenon that it is appropriate to call “Krasheninnikov phenomenon.”

Key words: Krasheninnikov phenomenon, Kamchatka, routes, the Oblukovina river.

В 2011 г. исполнилось 300 лет со дня рождения Степана Петровича Крашенинникова. И по случаю столь знаменательного юбилея уже написано и будет написано ещё немало строк как о самом С.П. Крашенинникове, так и об его вкладе в отечественную науку. А вклад этот действительно неоценим как с точки зрения непреходящей значимости собранной и обобщённой великим натуралистом XVIII в. информации (не случайно его называют выдающимся географом, этнографом, языковедом, историком, а также родоначальником отечественной вулканологии и сейсмологии), так и с точки зрения не совсем верного отображения некоторых

данных и представлений студента Академии наук (должность С.П. Крашенинникова в табели о рангах Второй Камчатской экспедиции) в трудах исследователей его научного творчества.

Возникают все основания говорить о «феномене Крашенинникова», т.е. о феномене, одной стороной которого является выдающаяся способность автора «Описания земли Камчатки» к сбору, анализу и обобщению самой разнообразной информации, а другой — ничем не мотивированное, но тем не менее реально существующее искажение первичных данных, содержащихся в материалах С.П. Крашенинникова. И самым показательным примером такой неверной интерпретации первичной информации является описание маршрутов бывшего студента Академии наук по Камчатке. За 255 лет со дня выхода в свет книги «Описание земли Камчатки» ни один из известных комментаторов и интерпретаторов не сумел точно описать его маршруты по полуострову [2]. Одни исследователи прорисовывают его путь там, где он никогда не проезжал (вокруг Кроноцкого, Камчатского и Озерновского полуостровов, например, или по долинам рек Колпаковой и Воровской), другие, наоборот, не проводят даже там, где он проезжал трижды (по долине р. Облуковины).

Отчасти причиной искажений является слабое знание историками и краеведами природных особенностей полуострова. И всё же приходится констатировать, что они не сумели правильно прочесть С.П. Крашенинникова, ибо он в своей книге, особенно в путевых журналах, приводит не только название начального и конечного пунктов очередного дневного перехода, но и нередко часы его начала и окончания. Не говоря уже о расстоянии от одного пункта до другого, а также о количестве днёвок (и их причин) в том или ином острожке или месте, т.е. установить маршруты С.П. Крашенинникова по тому же восточному побережью Камчатки можно было и без знания ландшафтных особенностей местности. Хотя проехать вокруг них на нартах практически невозможно, ибо они почти сплошь окаймлены обрывами, нередко уходящими прямо под воду.

14 октября (25 октября по новому стилю) 1737 г. С.П. Крашенинников высадился на берег Камчатки в районе устья р. Большой. Более трёх с половиной лет пробыл он на полуострове, предпринял за это время 7 больших самостоятельных маршрутов, в ходе которых 12 раз пересёк весь полуостров от одного побережья к другому, а также осуществил целый ряд более коротких поездок. При этом на нартах, батах (камчатских долблёных лодках) и пешком С.П. Крашенинников, по его же собственным подсчётам, преодолел около 7700 вёрст [7]. Все эти путешествия дотошный студент тщательно, с указанием дат, расстояний и времени пути описал в своих дорожных журналах, рапортах и письмах, а затем обобщил в капитальном труде «Описание земли Камчатки».

Однако стоит только внимательно вчитаться в тексты самого С.П. Крашенинникова и в публикации исследователей его научного творчества, как обнаруживается множество несоответствий данных «Описания земли Камчатки» с выкладками учёных и краеведов, которые в своих работах на них опирались. Например, само число пересечений С.П. Крашенин-

никовым полуострова варьируется у разных авторов от 8 до 12, а суммарная протяжённость всех маршрутов по Камчатке — от 5,2 до 8, 10 и даже до 25 773 вёрст [9, с. 214]. Правда, в последнем случае авторы приводят данные по всей Сибири и Камчатке вместе, однако этот промах лишний раз подтверждает, что практически все исследователи и комментаторы научного наследия С.П. Крашенинникова проявляют поразительную невнимательность при прочтении и интерпретации его текстов. Показательным примером небрежности является прорисовка маршрутов С.П. Крашенинникова через Срединный хребет. Все пересечения он осуществлял по долине р. Облуковины: дважды — в начале декабря 1738 г. и в начале декабря 1740 г. — проезжал по долине р. Облуковины на пути из Большерецка к Верхне-Камчатску и оба раза пережил сильнейшие землетрясения, описания которых многие исследователи приводят практически полностью. Тем не менее они рисуют его маршруты по рекам Воровской и Колпаковой, а не по р. Облуковине. Приведём текст самого С.П. Крашенинникова:

«Большое трясение земли чувствовали мы в половине декабря месяца 1738 года, едуци в Верхней Камчатской острог из Большерецка. Мы были тогда (6 декабря) [6, с. 204] недалеко от хребта Оглукоминского и стояли на стану в полдни. Страшной шум лесу, которой сперва слышали, почитали мы за восставшую бурю, но как котлы наши с огня полетели, и мы, сидя на санках зашатались, то узнали подлинную тому причину. Сего трясения было токмо три вала, а вал за валом следовал почти поминутно» [8, с. 173—174].

А ровно два года и два дня спустя, вторично пережив (практически в том же самом месте) подобные же ощущения, он записывал:

«В означенном пути ничего примечания достойного не учинилось, кроме трясения земли, которое было декабря 8 дня около полудня, а мы в то время стали на стан обедать, который стан имели над рекою Оглукоминой, не доезжая вёрст за 30 до Оглукоминского хребта» [6, с. 629].

Данные этих описаний до сих пор привлекают внимание специалистов по тектонике, геофизике, геологии и вулканологии, которые на их основе делают весьма широкие обобщения. Например, землетрясение 8 декабря 1740 г. увязывается с деятельностью одного из самых крупных на Камчатке одноактных прорывов на южном подножии Ичинского вулкана, в результате которого в 10 км от вершины вулкана якобы сформировался шлаковый конус Северного Черпука высотой до 230—240 м, а также мощный (в среднем, до 100 м в первом звене и 45 м во втором звене) лавовый поток общей длиной около 18 км и площадью около 31 км² [5]. Хотя об этом извержении говорится предположительно [5, с. 203], однако объединение вулканологами и сейсмологами двух самостоятельных (1738 и 1740 гг.) землетрясений в одно сомнений не вызывает. И этот факт лишний раз подтверждает мысль о том, что уважение к С.П. Крашенинникову как к внимательному и наблюдательному учёному сочетается с искажением его данных.

При удивительном совпадении места и почти полном совпадении дней описываемых событий из содержащихся в обоих описаниях данных можно сделать только один вывод: бывший студент Академии наук

дважды — 6 декабря 1738 г. и 8 декабря 1740 г. — проезжал по р. Облуковине по направлению к Верхне-Камчатску. Следовательно, упоминания о дважды пережитых на этом пути землетрясениях, оказываются важнейшими пространственно-временными реперами при реконструкции маршрутов С.П. Крашенинникова через Срединный хребет, поскольку они начисто опровергают воззрения всех, кто исключает долину р. Облуковины из списка его маршрутов.

Например, известный исследователь деяний С.П. Крашенинникова Н.Г. Фрадкин в своих брошюрах [16, с. 24; 17, с. 30] слово в слово приводит одну и ту же выписку из «Описания земли Камчатки»: «...*Вдруг, как от сильного ветра, лес зашумел, и земля так затряслась, что мы за деревья держаться принуждены были, горы заколебались, снег с оных покатился*», которая явно демонстрирует его осведомлённость с подлинными материалами С.П. Крашенинникова. И тем не менее все его маршруты с западного побережья полуострова к Верхне-Камчатску и обратно он прорисовывает (рис. 1а, 1б) по долинам рек Колпаковой и Воровской, а не по р. Облуковине.

Рассмотрим карту (рис. 1в), которую составил французский астроном, член Королевской академии наук (Париж) аббат Шапп д'Отерош по материалам С.П. Крашенинникова [11], она приводится в III томе его книги «*Voyage en Sibirie*», опубликованной в 1768 г. [2]. Прежде всего следует отметить, что на этой — одной из самых первых, если вообще не первой — карте путешествий С.П. Крашенинникова по Камчатке все его маршруты по восточному побережью проводятся не в объезд Кроноцкого, Камчатского и Озерновского полуостровов, а пересекают их основания. Да и место переезда через Срединный хребет на этой карте также однозначно привязывается к долине р. Облуковины и к перевалу в её верховье. Так что при интерпретации этой части маршрутов бывшего студента аббат проявил завидную внимательность.

Однако и он не избежал серьёзных ошибок. В частности, круговой маршрут С.П. Крашенинникова от Нижне-Камчатска на север к р. Караге, оттуда — через Срединный хребет на запад к р. Лесной, затем вдоль западного побережья на юг к р. Тигиль, наконец, от Тигиля через Срединный хребет — на восток к р. Еловке и далее — к Нижне-Камчатску разрывается им на две самостоятельные ветви. Причём маршрут, протягивающийся вдоль всего северо-западного побережья Камчатки, почему-то прорисовывается им от устья р. Облуковины (хотя С.П. Крашенинников от Облуковины до Тигиля и от Лесной никогда не ездил) и уходит не только за пределы полуострова, но и самой карты-схемы. И объяснить это заблуждение я не берусь, как не берусь объяснить и продление маршрута бывшего студента за р. Озёрную вплоть до мыса Лопатка, но без ответвления к р. Паужетке.

Обратимся теперь к «Карте путешествий Крашенинникова по Сибири и Камчатке» (рис. 1г), приведённой во вступительной статье Н.Н. Степанова к «Описанию земли Камчатки» 1949 года издания [14, с. 29]. Как можно видеть, здесь маршруты С.П. Крашенинникова по восточному побе-

режью Камчатки проведены поперёк всех, за исключением Кроноцкого, восточных полуостровов, что наиболее соответствует истине. Более того, данная карта — единственная из известных мне карт-схем, на которой есть двухдневная «петля» в среднем течении р. Камчатки, осуществлённая С.П. Крашенинниковым в 1739 г. ради посещения острожка Накшин (Колюгере), расположенного на р. Козыревской (Колю). Другое дело, что прорисована эта петля почему-то на правой стороне р. Камчатки, а не на левой, как это было на самом деле.

И действительно, сам С.П. Крашенинников по этому поводу пишет: *«Из острожка (Толбачика. — В.Б.) поехали генваря 8 дня, часах в 8 поутру, и ехали вниз по Тулуачю реке вёрст с 30 до самого устья, где она в Камчатку впала. От устья её, отъехав с версту вверх по Камчатке, взялись на левой её берег и в сторону от неё поехали...»*

Колю, Козыревская река, шириною с Толбачик (Тулуачь) реку, от повороту с Камчатки верстах в 10, вышла из хребта и от того места, где мы к ней приехали, верстах в 29 в реку Камчатку впала по течению с левой стороны. От Камчатки по сей реке поехали лесом и чистыми местами, а, приехав к ней, на неё спустились и ехали вверх по ней до нижеозначенного острожка.

Колюгере, или Накшин острожек, на правом берегу Козыревской реки, от спуску верстах в 2. Строения в нём 2 юрты, 11 балаганов, ясаиных иноземцев 15 человек, в том числе 9 собольников, от Машурина до сего острожка прямою дорогою 87 вёрст. В острожек приехали ввечеру часах в 7 и ночевали. Здесь подводды переменили» [6, с. 658—659].

На следующий день Крашенинников поехал по левому берегу р. Козыревки к р. Быстрой (а надо ли повторять, что обе эти реки впадают в Камчатку слева?) и спустился по ней к р. Камчатке. От устья Быстрой он вновь выехал к расположенному выше устью р. Козыревской, отъехал от него с полторы версты вверх по р. Камчатке, перебрался на её правый берег и проследовал к Краушчь-речке (река Крахча) — правому притоку р. Камчатки. Проехав по этой реке вниз с «полутреть версты», он вечером 9 января приехал в острожек Курахштара (Голков острожек), стоявший на правом берегу речки Краушчь, неподалёку от её впадения в р. Камчатку.

Отклонившись от обычного маршрута вдоль русла р. Камчатки, С.П. Крашенинников описал по её левой стороне почти полный круг. Однако этого кругового маршрута нет на всех помещённых в данной статье картах-схемах, кроме упомянутой уже «Карты путешествий Крашенинникова по Сибири и Камчатке» Н.Н. Степанова. Но и в этом случае произошло необъяснимое переименование первичной информации, заключающееся в переносе места событий с левого берега на правый.

В целом же, говоря о степени достоверности этой карты (продублированной, кстати, во вступительной статье Н.Н. Степанова к книге «С.П. Крашенинников в Сибири» [15, с. 23]), следует отметить, что отсутствуй на ней проезд вокруг Кроноцкого полуострова и, напротив, не присутствуй на ней вояж по долине р. Колпаковой, то она (с учётом, разумеется, крайне мелкого масштаба исполнения) выглядела бы практически идеальной. Тем непонятнее тот факт, что на другой карте, помещённой

в этой же вступительной статье [13, с. 34], маршруты бывшего студента оказались переиначенными самым неммыслимым образом (рис. 2а), вплоть до того, что они прорисовываются и по берегам Кроноцкого, Камчатского и Озерновского полуостровов, и по долинам рек Воровской и Колпаковой, где С.П. Крашенинников не проезжал ни разу. Так что остаётся только выразить надежду, что использование этой второй карты оказалось невольной оплошностью Н.Н. Степанова как одного из соисполнителей названного переиздания «Описания земли Камчатки», а не его прямой виной. И отнести этот казус к разряду необъяснимых: сейчас за давностью лет трудно судить о том, сам ли Н.Н. Степанов нарисовал обе названные карты, или же он использовал свою собственную карту и карту какого-то другого исследователя.

Что же касается уже упомянутой карты-схемы Н.Г. Фрадкина (рис. 1а), то к сказанному ранее следует добавить, что на ней все маршруты С.П. Крашенинникова после пересечения Срединного хребта подходят к Верхне-Камчатску сверху по течению реки, а не снизу. А ведь сам С.П. Крашенинников и в своей книге, и в дневниках, и в рапортах, и в письмах постоянно отмечал, что, следуя от Большерецка к Верхне-Камчатску зимой, он подъезжал (на нартах) к последнему по р. Камчатке снизу (от острожка Кирганик), а не сверху. И только один раз осенью, сплаваясь по р. Камчатке на батах, он подплыл к Верхне-Камчатску сверху. Впрочем, этих нюансов не учитывали и другие историки и краеведы. И уже одно это исключает проезд по рекам Воровской и Круогоровой.

К числу неверно проложенных на этой карте-схеме маршрутов относятся также поездки вокруг (по берегу) Кроноцкого, Камчатского и Озерновского полуостровов. Ну а более мелкими, но ничуть не менее показательными огрехами являются проезд от р. Большой (ныне Плотниковая) к Паратун острожку не по рекам Коонам (ныне Корякская), притоку Авачи и по самой р. Аваче, а по р. Быстрой — притоку р. Купхи (ныне Паратунка); короткое ответвление от острожка Паратун к вулкану Авача, хотя сам С.П. Крашенинников туда не ездил, а лишь посылал казака для проведывания пути к ней и ответвление к вулкану Толбачик, сам же С.П. Крашенинников, следуя на нартах по долине р. Камчатки от Верхне-Камчатска к Нижне-Камчатску и обратно, всегда проезжал через Толбачинский острожек (Тулуачь), минуя этот вулкан; объезд на пути от Тигиля к Нижне-Камчатску вулканов Харчинского и Заречного с западной (по р. Еловке), а не с восточной (от оз. Харчинского к острожку Каменному) стороны, как это было на самом деле.

Всё сказанное можно повторить и относительно другой карты-схемы (рис. 1б) этого же автора, созданной им спустя 20 лет после первой [17, с. 30]. Правда, на этой последней карте-схеме исчезло-таки ответвление к вулкану Толбачик. Однако по-прежнему отсутствует отклонение от русла р. Камчатки к Толбачинскому острожку. И, что совсем непонятно, на ней полностью исчез февральский маршрут 1740 г. от Верхне-Камчатска по рекам Повыче (ныне Кавыча) и Жупановой к восточному побережью полуострова и далее к Авачинской губе.

То же относится к карте-схеме (рис. 26) маршрутов С.П. Крашенинникова, приведённой в предисловии Б.П. Полевого к факсимильному переизданию «Описания земли Камчатки» [12, с. 22]. Что, впрочем, понятно, так как она, по сути дела, является полной калькой карты-схемы Н.Г. Фрадкина от 1954 г. А потому не исключается, что Б.П. Полевой доверился хорошо известному автору и полностью повторил его ошибки.

Судить об этом позволяет то, что и в предисловии к «Описанию земли Камчатки» [12, с. 7], и в статье «Крашенинников Степан Петрович» [13, с. 8] Б.П. Полевой по поводу маршрута к Авачинскому вулкану пишет вслед за Н.Г. Фрадковым: «*Заинтересовавшись „востроверхой“ Авачинской сопкой, он хотел совершить на неё восхождение, но не смог даже доехать до её подножия «ради весьма глубоких снегов и частого кедровника».* Однако сам С.П. Крашенинников по этому случаю говорит нечто иное: «*В острожек (Паратунский. — В.Б.) приехали около полудни и пробыли в нём по 30 число сего месяца (января 1738 г. — В.Б.), понеже посылан был от меня на другой день по приезде сюда служивой для проведованья пути к горелой сопке, которой возвратился генваря 29 поутру и объявил, что ради весьма глубоких снегов и частого кедровника, на санках никоими мерами и на подножье горы въехать невозможно. И того ради я из одного острожка в Большерецкий острог возвратился»* [6, с. 652]. Как видим, сам С.П. Крашенинников к Авачинскому вулкану действительно не ездил.

Впрочем, есть у Б.П. Полевого и собственные огрехи. К примеру, и в предисловии, и в статье в продолжение уже приводимой фразы он пишет: «*Обратно возвращался (Крашенинников. — В.Б.) с заездом на р. Быструю на термальные источники у острожка Мылши (современные Малки)*» [12, с. 7; 13, с. 8]. Однако С.П. Крашенинников никогда не был на Малкинских горячих источниках, ибо, как он сам пишет, «*...горячие ключи в шести местах мною примечены, 1) на реке Озёрной, которая течёт из Курильского озера, 2) на речке Паудже, которая в Озёрную пала, 3) на речке Бааню, которая за росошину Большой реки почитается, 4) близ Начикина острогу, 5) около Шемакинского устья, 6) на её вершинах»* [6, с. 212]. Б.П. Полевой попросту перепутал по созвучию имён острожек Мылши с острожком Мышху (Начикинским острожком), в котором С.П. Крашенинников всегда останавливался на своём пути к Паратунке и обратно.

Не мог побывать С.П. Крашенинников и «*...на горячем озерке у острожка тойона Паратуна, т.е. на знаменитой современной Паратунке*», как уверяет историк [13, с. 6—7], ещё и потому, что Паратунский острожек времён С.П. Крашенинникова стоял в 12 км ниже по течению р. Купхи (ныне Паратунки) от Паратунских термальных источников. К тому же выше острожка по течению реки исследователь никогда не проезжал, не говоря уже о том, что и сами-то эти источники (ключи) стали известны русским только более полувека спустя после пребывания С.П. Крашенинникова на полуострове.

Кстати, в связи с уточнением ситуации с Малкинскими и Паратунскими «горячими ключами» вполне уместно напомнить, что, возвращаясь из Нижне-Камчатска в Большерецк вдоль восточного побережья

полуострова, С.П. Крашенинников проехал по незнанию мимо Верхне-Семячинских термальных источников. А когда в острожке Ашумтан, расположенном возле устья р. Вахиль, случайно услышал об источниках, то специально возвратился назад, чтобы описать их. Однако и этот немалый «крюк» (95 вёрст в одну сторону) не нашёл упоминания ни в одном из перечисленных в данной статье исследований.

Рассмотрим внимательно карту-схему (рис. 2в), составленную доктором биологических наук П.А. Хоментовским [4, с. 43], учитывая, что атлас этот делали свои (камчатские) и, казалось бы, наиболее заинтересованные в истине люди. Одной заинтересованности оказалось недостаточно для того, чтобы точно воспроизвести маршруты бывшего студента. В самом деле, все его маршруты по восточному побережью Камчатки на этой карте-схеме также оказались проложенными по побережьям Кроноцкого, Камчатского и Озерновского полуостровов, хотя из текста «Описания» следует, что С.П. Крашенинников пересекал их основания, а не объезжал вокруг.

Что же касается переездов через Срединный хребет, то один (обратный) маршрут С.П. Крашенинникова по р. Облуковине на этой карте-схеме после долгого забвения всё же появился: ещё в 1939 г. об этом зимнем маршруте писал известный советский историк А.И. Андреев [1]. Впрочем, и этот выдающийся знаток времён открытия и покорения Камчатки также не увидел того, что бывший студент проезжал по этому пути трижды. Интересно, кстати, что этот же обратный маршрут по р. Облуковине обозначили на своей карте-схеме (рис. 2г) И.П. Магидович и В.И. Магидович [10]. Они почему-то решили провести все остальные пересечения С.П. Крашенинниковым Срединного хребта по пути к Верхне-Камчатску по р. Колпаковой.

Но вернёмся к карте-схеме П.А. Хоментовского. На ней в связи с появлением маршрута по р. Облуковине исчез проезд С.П. Крашенинникова по р. Воровской, однако по-прежнему нанесены маршруты по р. Колпаковой. А ведь в своём «Описании земли Камчатки» С.П. Крашенинников ни разу не говорит о том, что он проезжал по этой реке (или по р. Воровской). Он всего лишь добросовестно отметил, что помимо р. Облуковины ительмены при своих путешествиях с западного побережья в долину р. Камчатки и обратно иногда ездят и по долинам других рек: *«Есть же из Большерецка в Верхней острог как с Пенжинского так и с Восточного моря и другие дороги: ибо нет почти такой впадающей в оба моря реки, по которой бы не можно было на Камчатку проехать: но понеже по оным дорогам ездят токмо одни Камчадалы, или казаки по необходимому случаю, то о них писать нет нужды: для того что их проезжими почесть не можно»* [8, с. 142—143].

Имеются на данной карте-схеме и другие ошибки. Например, все маршруты С.П. Крашенинникова из Большерецка в острожек Мышху и обратно прорисовываются П.А. Хоментовским вдоль русла р. Плотниковой (Большая). Однако обычно С.П. Крашенинников из Опачи (Апачи) проезжал к острожку Мышху (Начикинский острог) напрямую через горный массив правулкана Шапочка по долинам рек Халзан и Уздач, по которым проходила торная тропа ительменов. И разве что в самую первую свою по-

ездку к Авачинской губе он на обратном пути действительно проехал от Начикинского острожка к Большерецку вдоль русла р. Плотниковой. Кроме того, все маршруты С.П. Крашенинникова от Начикинского острожка к Авачинской губе и обратно проложены П.А. Хоментовским вверх по р. Плотниковой, мимо озера Начикинского и далее к долине р.левой Быстрой (приток р. Паратунки), а по ней — к Паратун-острожку. Однако сам С.П. Крашенинников постоянно отмечал, что от острожка Мышху к Паратун-острожку и обратно он ездил по р. Аваче и её притоку р. Корякской (Коонам речке): *«Коонам речка течёт в Авачу с южнозападной стороны, а до вершины ея от устья вёрст с 50 полагается. По сей речке обыкновенно ездят с большой реки к Петропавловской гавани, а дорога проложена от острожка Мышху вверх по речке Сугачу до ея вершины, и оттуду вниз по другой речке Сугачу ж, которая пала в Коонам, до ея устья, а от устья вниз по речке Коонам до реки Авачи»* [8, с. 38].

Кстати, ительмены и казаки не ездили по более прямой дороге через р. Быструю, потому что местность в районе перевала из долины р. Плотниковой в долину р. Купхи (Паратунка) очень опасна ввиду частого схода снежных лавин. Не проезжал С.П. Крашенинников и к Авачинскому вулкану, ибо, как он пишет, *«...генваря 27 дня посылал я служивого для проведывания пути к горячей горе, которой 29 дня поутру оттуда возвратился и объявил, что ради весьма глубоких снегов и частого кедровника на санках никоими мерами и на подножье горы въехать невозможно»* [6, с. 563]. К тому же и отсылал он служивого не из Ниакиной бухты (Аушина острожка), как можно судить по анализируемой карте-схеме, но там он в 1738 г. не был, а из Паратунского острожка, где он в этот свой первый приезд пробыл три дня.

Неверно проложен на этой (да и на всех прочих) карте-схеме и обратный путь от Паужетских источников. Вот что пишет об этом С.П. Крашенинников: *«В Кожокчино жильё приехал возвратно от ключей того же марта 29 дня около полуночи. Из Кожокчина жильё поехали мы возвратно в Большерецк марта 30 дня в 4 часа поутру и того дня на вершинах Аадачя речки ночевали. Марта 31 дня приехали в острожек Талмжу около полудни и, понеже снег днём от жару весьма рухол и собакам от такой езды трудно, то мы в нём ночевали, а апреля 1 дня часах в 4 по п(олудни) в Большерецкий острог приехали. От Большерецкого острога до горячих ключей и оттуда возвратно, где не тою дорогою, которую мы вперёд ехали, сочинил описание пути, которое при сём рапорте прилагается»* [6, с. 567]. Подъехав на обратном пути по морскому побережью к р. Опале, далее С.П. Крашенинников стал постепенно удаляться от моря и выехал к Большерецку не прежним путём (по берегу моря и р. Большой), а вдоль предгорий вулканов Малая и Большая Ипелька (рис. 3), поскольку там повыше, похолоднее, а потому утренний наст держится дольше.

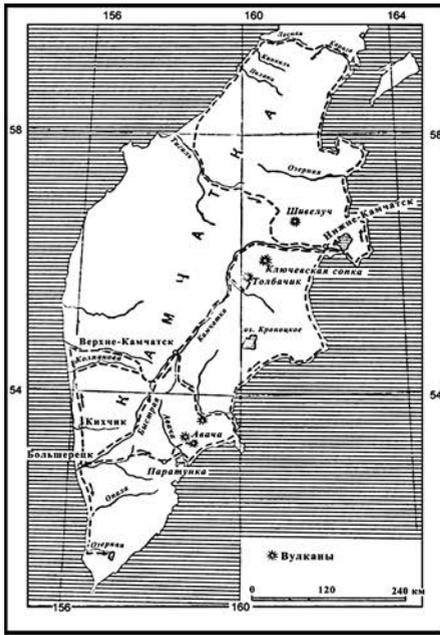
Ещё одной (и также общей для всех названных карт-схем) ошибкой П.А. Хоментовского является то, что он все зимние маршруты бывшего студента по р. Камчатке проложил мимо Толбачинского острожка, в котором тот непременно останавливался для отдыха и перемены собак.

Зато почему-то нарисовал ответвление от нынешнего Козыревска к вулкану Толбачик, которого во времена С.П. Крашенинникова и долгое время после него просто не существовало, и обратно. Как уже говорилось, С.П. Крашенинников никогда к вулкану не ездил, а лишь наблюдал за ним из Толбачинского острожка и на подъездах к нему. Стоит также заметить, что и путь от Тигиля к Нижне-Камчатску почему-то проводится П.А. Хоментовским с западной и южной сторон Харчинского и Зареченского вулканов (по р. Еловке), а не с северной и восточной, как это было на самом деле (рис. 3). Что же касается более мелких упущений, то на всех названных картах-схемах отсутствуют небольшие маршруты от Монастырской заимки к устью р. Камчатки и обратно, а также от этой заимки в острожек Табачаул-Кик, «которой стоит над Нерпичьим озером» и обратно, совершённые Крашенинниковым 11—13 февраля 1739 г. [6, с. 590]. Не отмечена также поездка из Нижнего Камчатского острога в Ключи и обратно 19—22 февраля 1739 г. [Там же.]. Отсутствует и однодневный маршрут на батах вверх по р. Радуге от Нижнего Камчатского острога и обратно 27 сентября 1739 г. [Там же.], равно как и поездка из Нижне-Камчатска в острожек Шваннолом и обратно 19—23 ноября этого же года [Там же.]. Как не нашли отражения на картах-схемах и неоднократные поездки С.П. Крашенинникова к устью р. Большой и обратно, предпринимаемые им для наблюдения и описания приливов и отливов, а также поездка 2—4 августа 1740 г. на р. Начилова для поиска жемчужных раковин. Впрочем, отчасти объяснить отсутствие всех этих небольших поездок на указанных картах-схемах можно — их масштаб просто не позволил это сделать.

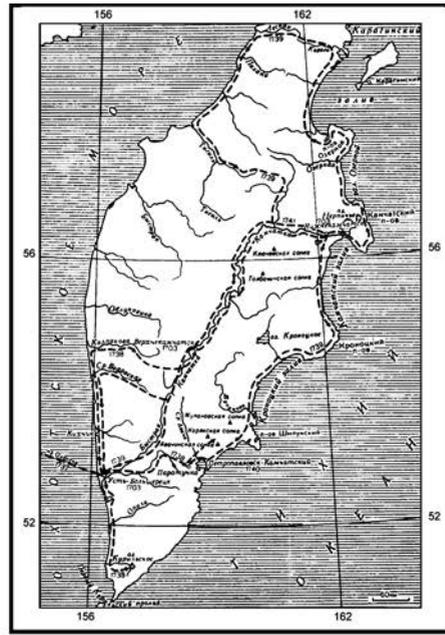
Таким образом, невольных упущений и ошибок, а также вольных искажений в описании маршрутов С.П. Крашенинникова у перечисленных комментаторов и толкователей его путешествий по полуострову обнаруживается более чем достаточно. В целом все проанализированные карты-схемы однозначно свидетельствуют о небрежности авторов при прочтении «Описания», либо незнании ими географии полуострова, либо то и другое вместе. И вот тому ещё одно убедительное свидетельство.

При внимательном взгляде на приводимые карты-схемы обнаруживается, что на большинстве из них Большерецк обозначен где угодно: на месте современного Усть-Большерецка, расположенного в 10 км от морского побережья (рис. 1а, 1б, 2а, 2б); на месте нынешнего села Кавалерское, куда Большерецк был перенесён в 1928 г. (рис. 2в); на месте ныне нежилого Большерецка, стоящего на косе в 40 км от Усть-Большерецка (рис. 2г), но только не на островах между реками Гольцовкой и Быстрой в месте их слияния, где был основан и более 200 лет стоял подлинный Большерецк (рис. 3). И это при том, что у С.П. Крашенинникова по этому поводу написано: «*Большерецкий острог стоит на северном берегу Большой реки между впадающими во оную посторонними реками Быстрою и Гольцовкою в 33 верстах от Пенжинского (Охотского. — В.Б.) моря*» [6, с. 500—501].

Добавлю для ясности, что Большой рекой во времена С.П. Крашенинникова именовали всю нынешнюю р. Плотникова от её истока и до самого

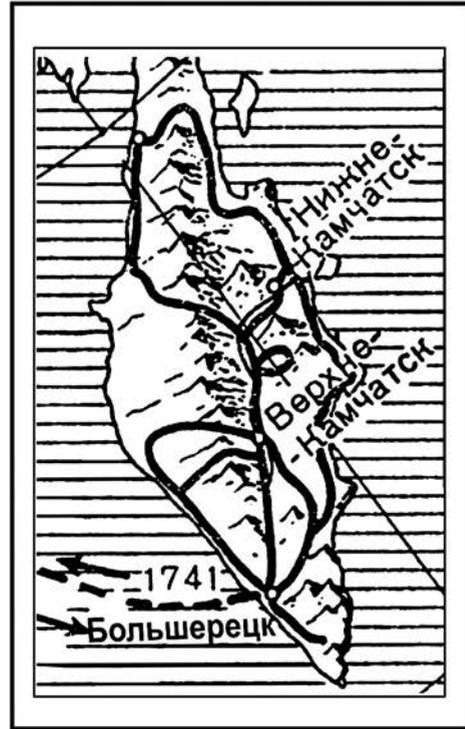
а

б

в

г

Рис. 1: а — карта-схема Н.Г. Фрадкина [С.П. Крашенинников. 1954, с. 44], б — карта-схема Н.Г. Фрадкина [С.П. Крашенинников. 1974, с. 30], в — карта аббата Шапп д'Отерош [Путешествие в Сибирь, совершённое по приказу короля в 1761 г. Париж: Издательство Дебюрэ, отца. 1768], г — фрагмент карты Н.Н. Степанова [Описание земли Камчатки. 1949, с. 29]

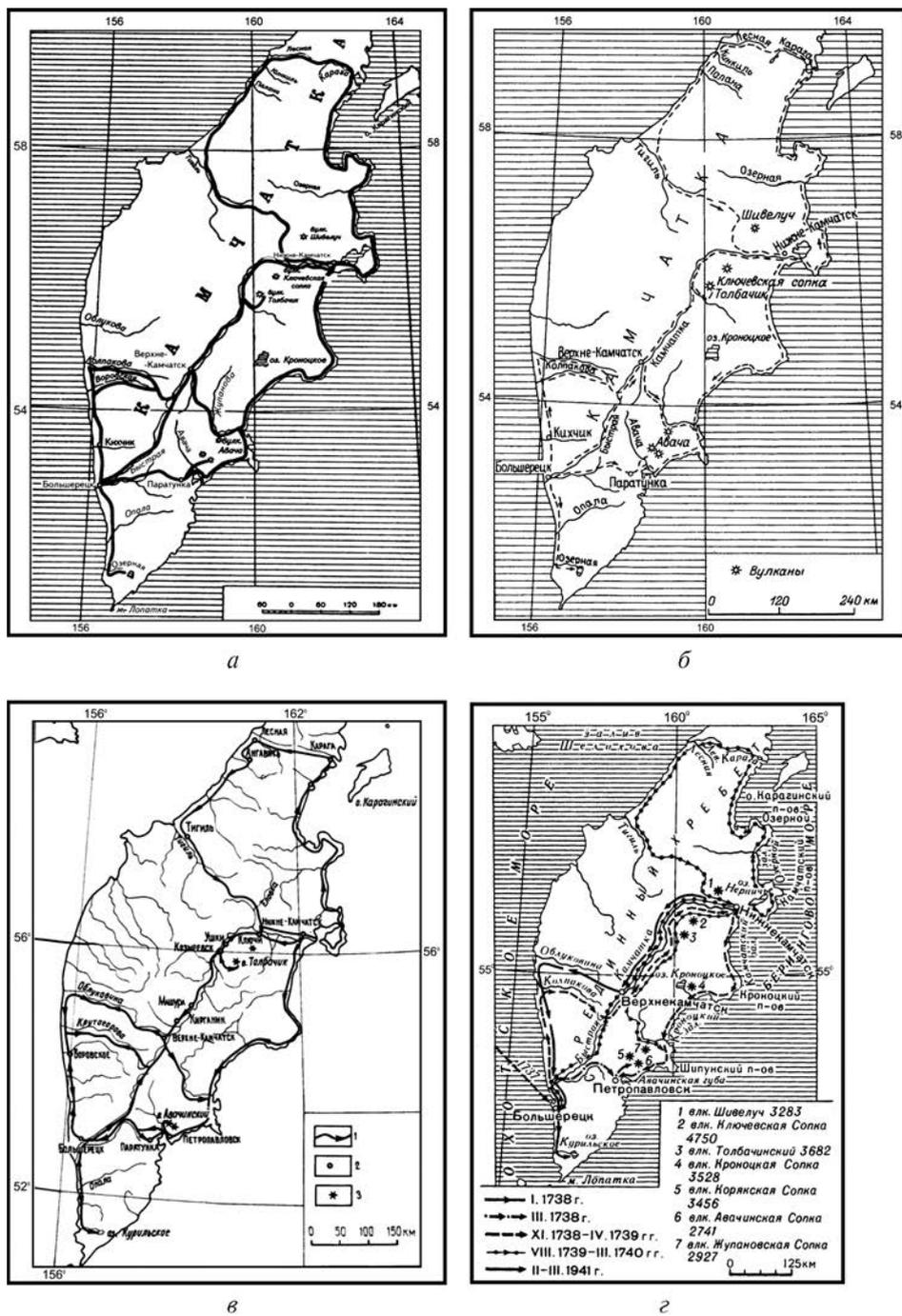

Рис. 2: а — карта Н.Н. Степанова [Описание земли Камчатки. 1949, с. 34], б — карта-схема Б.П. Полевого [«Описание земли Камчатки». 1994, с. 22], в — карта-схема П.А. Хоментовского [Историко-географический атлас «Камчатка». 1997, с. 43], з — карта-схема И.П. Магидовича и В.И. Магидовича [Очерки по истории географических открытий. 1984. Т. 3]

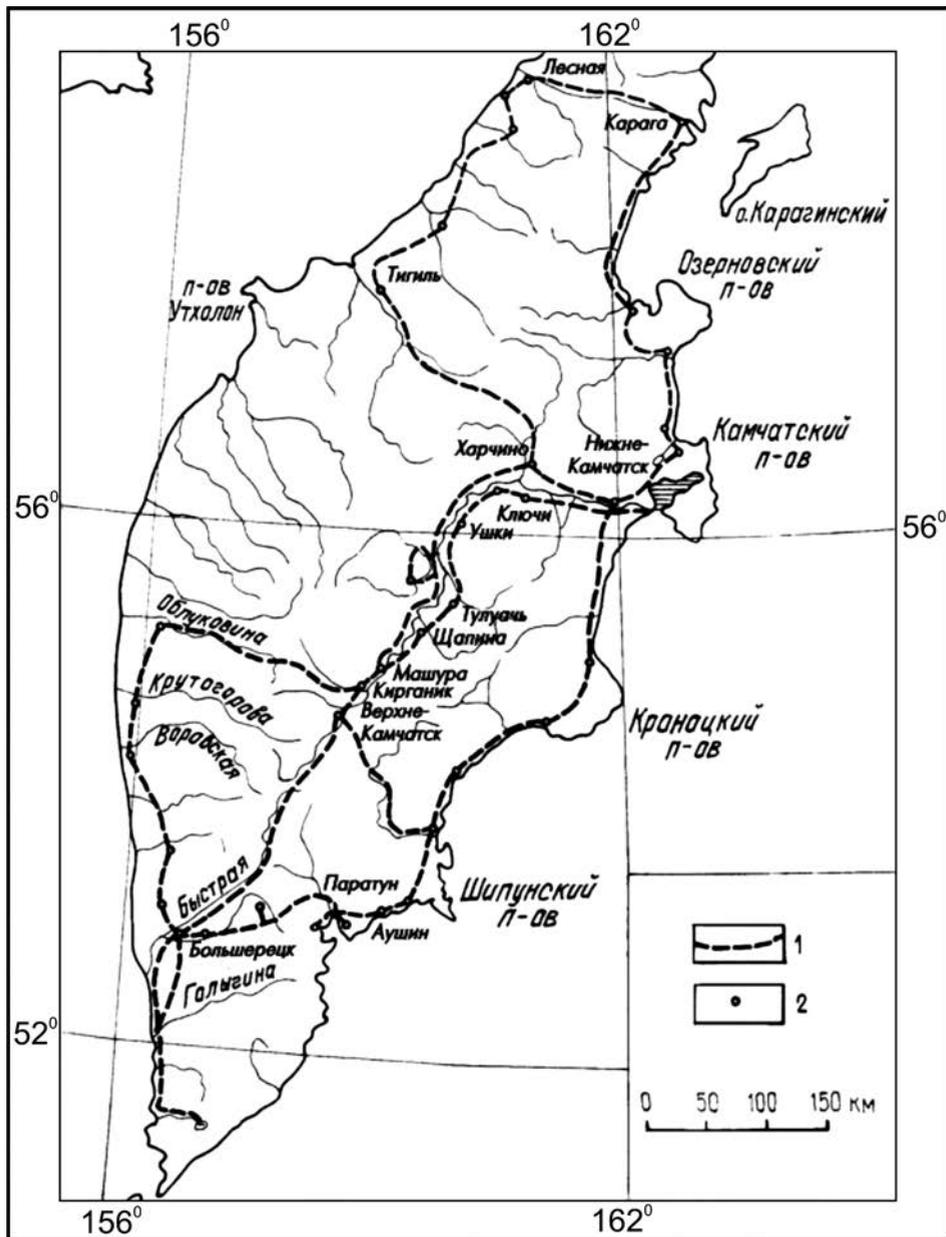

Рис. 3. Обобщённый (без подробностей) вариант авторской карты-схемы основных маршрутов С.П. Крашенинникова по Камчатке

моря. Факт «переноса» Большерецка в любое иное место никакому иному (кроме неосознанного искажения истины) объяснению не поддаётся.

Таким образом, всё сказанное однозначно свидетельствует о том, что отношение исследователей к научному творчеству С.П. Крашенинникова действительно двойственное. С одной стороны, подчёркнутый, особенно в работах краеведов, пиетет к самому имени автора «Описания земли Камчатки», с другой — неосознанное, т.е. никакой логикой не объяснимое искажение содержащейся в каноническом труде великого русского естествоиспытателя информации. Это даёт повод говорить о существовании своеобразного явления, которое с полным основанием можно именовать «феноменом Крашенинникова».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Андреев А.И. Жизнь и научные труды Степана Петровича Крашенинникова: Памяти С.П. Крашенинникова. Л.: Главсевморпуть, 1939. С. 5—64.
2. Берг Л.С. История русских географических открытий. М.: Наука, 1962. 296 с.
3. Быкасов В.Е. Поездки С.П. Крашенинникова по Камчатке // Вопросы истории Камчатки. Вып. 3. Петропавловск-Камчатский, 2007. (Новая книга). С. 219—241.
4. Камчатка. XVII—XX вв.: Историко-географический атлас. М.: Роскартография. 1997. 112 с.
5. Катастрофические процессы и их влияние на природную среду. Вулканизм / под ред. акад. Н.П. Лаверова. М.: Региональная общественная организация учёных по проблемам прикладной геофизики, 2002. Т. 1. 436 с.
6. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л.: Главсевморпуть, 1949. 842 с.
7. Крашенинников С.П. Описание дороги студента Крашенинникова. С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы / подготовка текста и вступительная статья Н.Н. Степанова. М.; Л.: Наука, 1966. С. 196—224.
8. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. В 2 т. СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: «Камшат», 1994. Т. 1. 438 с.
9. Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древнейших времён до 1917 года. М.: Мысль, 1971. 516 с.
10. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5 т. / редкол.: В.С. Преображенский и др. — 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984. Т. 3. 319 с.
11. Намжилова Г.Б. Степан Петрович Крашенинников и аббат Шапп д'Отерош // Материалы XXII Крашенинниковских чтений: Веков связующая нить. 21—22 апреля 2005 г. Петропавловск-Камчатский, 2005. С. 140—146.
12. Полевой Б.П. Предисловие // Описание земли Камчатки. СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: «Камшат», 1994. Т. 1. С. 3—29.
13. Полевой Б.П. Крашенинников Степан Петрович: Писатели Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2005. С. 5—28.
14. Степанов Н.Н. Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки»: Описание земли Камчатки. 1949. М.; Л.: Главсевморпуть, 1949. С. 13—84.
15. Степанов Н.Н. Творческий путь С.П. Крашенинникова: С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л.: Наука, 1966. С. 8—37.
16. Фрадкин Н.Г. С.П. Крашенинников. 2-е изд. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1954. 45 с.
17. Фрадкин Н.Г. С.П. Крашенинников. Изд. 3, дополн. М.: Мысль, 1974. 60 с.